

В прошлый раз, когда князь упал с кресла и долго не мог подняться, Линь Се почувствовал что-то неладное. Этот князь, должно быть, слишком слаб, и без помощи Юань Ци он не смог встать.

— Ты врешь! — Юань Ци оттолкнул его руку. — Это ты слаб! Мой князь крепок!

Линь Се широко раскрыл глаза, указывая на Юань Ци, с недоверием:

— Ты посмел так со мной поступить? Хочешь, я расскажу государю?

Юань Ци с презрением посмотрел на него:

— Иди расскажи, государь далеко, а я могу сразу сказать моему князю, что ты назвал его слабым!

— Ты!

Линь Се сразу сник. Не говоря уже о том, что он был фаворитом государя, но этот Юань Ци тоже был фаворитом князя, и, более того... государь, возможно, даже не смог бы переспорить князя...

С этими мыслями Линь Се сразу успокоился и с улыбкой спросил:

— Что больше всего любит твой князь?

Юань Ци, подражая своему князю, посмотрел на него свысока:

— Кашу из красной фасоли и бусенника.

— О, как интересно, государь тоже больше всего любит кашу из красной фасоли и бусенника!

— Конечно, — надулся Юань Ци. — Что любит государь, то любит и князь.

— А государь любит князя?

Как только Линь Се произнес это, Юань Ци сразу изменился в лице, оглянулся по сторонам и, зажав ему рот, нервно сказал:

— Сопровождающий Линь, ты не должен болтать лишнее!

Линь Се чуть не задохнулся, кивая:

— Не буду, не буду!

Юань Ци, казалось, наконец успокоился и серьезно сказал:

— Сопровождающий Линь, если ты будешь так болтать, ты не протянешь и нескольких лет рядом с государем!

Линь Се цокнул языком:

— Ну, я же только с тобой говорю.

Юань Ци больше не стал его слушать и пошел варить кашу для князя.

Когда князь вернулся с прогулки, Линь Се был во дворе, играя с большой серой собакой, выглядел он скучающим.

— Князь, из Судебной палаты пришло письмо.

Едва князь вошел в резиденцию, как появился посыльный.

Услышав это, Линь Се сразу оживился и подбежал к князю, чтобы посмотреть письмо.

Государь, дело об убийстве камнями нашло продолжение. Кто-то признался, что в ту ночь видел, как кто-то вылезал из колодца, принял его за привидение и закидал камнями до смерти.

В конце письма была приписка государя:

Фу И, как ты думаешь?

Увидев это, князь сразу изменился в лице, рассердился и даже изменил обращение к себе:

— Я так далеко расследую дело, а он еще хочет, чтобы я разбирался с этим старым делом!

Линь Се рядом заметил:

— Почему этот человек только сейчас признался?

— Все из-за бездарности Судебной палаты! Только сейчас начали расследование!

Князь не сдержал гнева, смял письмо в комок и сунул его в рукав.

Линь Се сказал:

— Если бы он признался раньше, не было бы безымянного тела. Прошло уже три года, и те, кто что-то знал, вероятно, уже забыли.

— Если бы не празднование дня рождения старого государя, дело не затянулось бы так надолго.

Князь спокойно произнес, словно забыв о своем недовольстве государем, и добавил:

— Нельзя было поднимать шум, тем более так близко к дворцу. Он был слаб и не вынес бы потрясений.

Линь Се не пропустил, что князь сказал «он», а не «государь», и спросил:

— А как ты, князь, думаешь?

Князь посмотрел на него с укором, не ответил и, войдя в резиденцию, крикнул:

— Юань Ци! Моя каша из красной фасоли и бусенника готова?

Изнутри раздался громкий голос Юань Ци:

— Князь! Готова!

Линь Се остался стоять, глядя на улыбающегося градоначальника, и ответил:

— Градоначальник, спасибо за труды!

— Не за что, не за что!

Градоначальник поспешил ответить, зная, что этот сопровождающий Линь был фаворитом государя, и его нельзя было обижать.

Линь Се воспользовался моментом и спросил:

— Князь не сказал, когда будет допрос?

На лице градоначальника мелькнула задумчивость:

— Князь сказал, что завтра.

— Завтра...

Линь Се скучающе последовал за градоначальником внутрь резиденции.

Пропавший в Гусу мужчина звался Лю Шань. Его отец был богатым землевладельцем в городе Гусу, и, узнав, что его сын пропал, он посидел за ночь, потерял сон и аппетит, и даже спустя столько времени не мог смириться с этим.

На допросе у третьего князя присутствовал старший брат Лю Шаня, Лю Цин. Этот человек был красивым мужчиной, известным поэтом в округе, и в нем чувствовалась некая изысканность. Увидев князя, он с легкой улыбкой сохранял спокойствие, в отличие от стоящего рядом на коленях Тянь Шу.

— Ты действительно не знаешь, что произошло потом?

Тянь Шу ответил:

— Князь, действительно не знаю. Я потерял сознание, а когда очнулся, был один.

Князь посмотрел на Лю Цина:

— У твоего брата были враги?

Лю Цин усмехнулся:

— Их было много. Шань был красив, и многие завидовали ему, кто знает.

Сказав это, он украдкой посмотрел на Тянь Шу.

Тянь Шу опустил голову и не заметил, но князь и Линь Се видели это ясно.

Князь постучал по столу, слегка подняв голову:

— Что ты имеешь в виду?

Лю Цин спокойно ответил:

— Тянь Шу с детства завидовал красоте Шаня. Кто знает, говорит ли он правду.

Линь Се слегка наклонился к Тянь Шу:

— Это правда?

Тянь Шу, покрываясь холодным потом, поклонился:

— Князь, я завидовал, но не причинял ему вреда! Его семья была богатой в Гусу!

Князь погладил бороду, медленно сказал:

— Кроме этого, других зацепок нет?

— К... князь...

— Ну?

Князь поднял глаза и увидел, как Тянь Шу достает что-то из-за пазухи, похожее на нефритовый кулон.

— Когда Шаня похитили, это упало рядом. Я подумал, что это нужно передать князю, и не вынимал...

— Негодяй! — крикнул князь. — Сокрытие вещей карается законом!

— Пощадите, князь!

Тянь Шу, дрожа, бил лбом об пол, с каждым разом все громче.

Лю Цин, увидев это, тут же схватил кулон, осмотрел его и взволнованно сказал:

— Князь! Это кулон Шаня!

Князь посмотрел на Линь Се, и тот понял, что нужно взять кулон.

Кулон был полукруглым, на нем была выгравирована иероглифа «гора», а шнурок был оборван, видимо, его сорвали. Князь взглянул на Лю Цина, видно, что этот кулон был частью целого, который был у него.

Этот нефрит явно не был игрушкой для простолюдина, князь цокнул языком, это точно был богатый землевладелец Гусу.

— Если даже такой ценный кулон не забрали, значит, дело не в деньгах.

Линь Се так проанализировал, и князь кивнул в согласии.

— Возьми это обратно.

Лю Цин взял кулон, на его лице читалась сложная гамма чувств, он спросил:

— Князь, если дело не в деньгах, то кто мог похитить Шаня?

— Этого я не знаю, — погладил бороду князь. — Вероятно, чтобы убить.

Как только князь произнес это, Лю Цин изменился в лице.

— Тянь Шу, скажи, было ли что-то подозрительное, когда вы были в пути, например, кто-то следил за вами.

Эти десять человек пропали не одновременно, значит, был расчет на маршрут, чтобы доставить их в столицу.

— Князь, тогда мы наслаждались пейзажами и не обращали внимания.

Тянь Шу только что закончил, как вдруг вспомнил что-то, остановился и, изменившись в лице, сказал:

— Князь! Я вспомнил!

Все трое сразу сосредоточились на нем.

— В ночь перед исчезновением Шаня, когда мы остановились в гостинице, Шань сказал мне, что, кажется, за ним кто-то следит, но я тогда не обратил внимания.

— Какая гостиница?

Князь и Линь Се, к удивлению, спросили одновременно.

— Мы только выехали, это был Постоялый двор Осеннего Листа недалеко отсюда.

Князь тут же встал:

— Веди нас!

Князь и его свита, включая Юань Ци, отправились в Постоялый двор Осеннего Листа. Надо сказать, молодежь полна энергии, это «недалеко» оказалось довольно далеко, и даже в карете князь был измотан.

Хозяйка Постоялого двора Осеннего Листа оказалась с хорошей памятью, и, когда ее спросили, она сразу вспомнила Тянь Шу.

— Ты был с тем симпатичным парнем, правда? Тогда я заметила контраст, потому и запомнила.

Хозяйка улыбнулась, невольно ранив Тянь Шу.

Князь спросил:

— В ту ночь вы останавливались в какой комнате?

— Провожу вас.

<http://bllate.org/book/16751/1562673>